

Фото Сергея Ерофеева

**Подборка стихотворений Руслана Сидорова.
Газета «Седьмой день» от 13 июня 2013 года (№22).
«Безбашенный, в башне живущий поэт...»**

6 июня ушел из жизни талантливый поэт Руслан Сидоров. Те, кто знал его лично, долго не могли поверить в произошедшее. Преданный друг, тонкий, глубокий человек – теперь его нет рядом...

Те, кто любил его творчество, восприняли уход Руслана как трагедию, невозможную утрату для современной поэзии.

Те, кому посчастливилось посещать его лекции, потеряли замечательного наставника – он глубоко понимал и чувствовал то, о чём говорил, а потому умел вдохновлять других.

И каждый, кто успел хоть как-то соприкоснуться с его жизнью, работой или творчеством, понимает – о таких людях сложно говорить в прошедшем времени. Он ещё очень долго будет с нами на страницах своих книг и в самой глубине наших сердец.

Одиночество?.. Ну... Я не знаю.
Как насчёт – поболтать с книжным шкафом?
Мир миров в этом скромном пенале.

Как так – ты одинок, если – Кафка?
Слышишь, Фёдор Михалыч стучится? –
открывай же, не будь идиотом!
Одиночество... Хо! Дурачина.
А Платон? А Платонов? – Да вот он!
Как ты можешь в компании этой
да на жабу давить, что ты ноешь?
Никогда ты не будешь поэтом.
Я вот – буду! Таким... Одиноким.

У подорожника – чёрный стержень.
Что это значит? – что время вышло,
что у реки закалился стрежень,
что по ночам больше звёзд под крышей,
значит, что август камзол примерил,
впору пришёлся, нашёл красивым,
дело за золотом позумента,
злато-червонным, за жёлто синей
поверху оторочкой; франту
щедро дано выбирать в витринах
леса сияющие караты
рос в паутинах, звёзд в паутинах...
Лето прошло. Начинался август,
месяц груздей, – точно мысли, – чёрных.
Выйди во двор, посиди на лавке,
где «Р+Л...» – результат зачёркнут.
Вот прилетают скворцы – всё видят.
А улетают? Когда? Кто знает?
Вечер и ветер – накинем свитер.
... Тот результат был неравен с нами.

Подборка стихотворений Руслана Сидорова.

Газета «Седьмой день» от 9 февраля 2012 года (№5).

«Я, улыбаясь, избегаю прозы...»

Мы не раз публиковали стихи Руслана Сидорова, нашего новокузнецкого поэта. Настоящего поэта – без оговорок, предисловий и условий. Он пишет, продолжает создавать то, что можно назвать историей человеческой души – её помыслов, тягостных раздумий, неясных стремлений. Читайте новые стихи – настоящие стихи.

Добро! Такое слово вот – «добро»,
а что оно по-русски означает?
Ну, первый смысл – «не зло», ну а второй –

«богатство». Ну а третий, это – счастье,
которое наполнило штаны,
слова-матрешки, да и мир – матрешка;
и человек, подобием равны.
Кто ищет «Троицу», а мне бы – «трешку»,
которую не знаю, где словить,
да «Примы» прикупить... – Курить охота!
... А смерть? – Придет и скажет «Се ля ви»,
... не взрывом и не всхлипом, просто – хохмой.

Коль жизнь серьезна и серьезна смерть,
серьезен президент, серьезен смерд,
и всех серьезней – над надмирной ватой, –
Поэзия должна быть глуповатой.

В ту дудочку, где дырочки, свистеть,
Ни-ни пророчества, ни-ни дурных вестей!
Оставим футурологам их хлеб.
К тому же есть, я слышал, на земле
серьезные поэты и стихи их
серьезные. Мне хочется хихикать;
и, ставши глуповатым, как добро,
дурачиться расхристанным пером,
юродствовать в виду закрытых врат,
и, как Сократ, знать то, что я дурак,
что неземною щедростью восторжен.
Лети, журавлик, и синичка тоже,
и голуби, летите: гули-гули.
Гуляю, околачивая дули;
в саду тропа, вдали премудрых тропов
с веселым серым веществом коробки,
столь синим-синим, политым обильно,
что уж не глуповатым, а дебильным.
Когда бы проза – был бы смех сквозь слезы.
Я, улыбаясь, избегаю прозы.
Иван Андреич вывел бы мораль.
Я не Андреич, не Иван, – дурак,
до смерти заигравшийся в слова:
Поэзия должна быть глупова...

Сонет

Те ярусы, что ниже нулевого,
давно обжиты и заселены.
Но где есть дно? – Не знаю; для живого

неведомы пределы глубины.

Я с детства верил на слово и слову:
мы не рабы; не рыбы; все – равны.
Переучиться? – Поздно. Но, по новой
нырнуть поглубже, жить, увидеть сны,

где выше и Сената и Синода
то дно, на самой глыбе вышины.
А то, что сны по фону зелены,

то – родина, бо все мы рождены,
где гребень бел под синею волною,
где звезды днем доступны и равны.

Сидишь один. Не знаешь точно,
с чего начать? – Напишешь так:
Весна пришла сегодня ночью.
Первое марта. Темнота.

А дальше что? Вздохнешь спокойно.
Так дышит печка за спиной,
закуришь и погладишь кошку.
А дальше – лето. За окном

года идут. Негодованью
все меньше поводов уже.
Сидишь, играешь со словами
и не гадаешь о душе.

В левой – две пачки зеленого чая.
В правой – Кибирова трепаный том.
Слева – поет электричка печально.
Справа – пейзаж молодых моветон,

непереводимый в лирической речи,
а надо всем, в пуховой синеве,
в месте всеобщеповышенной встречи
птахи беспечной мне певчий привет:

«Будь как ребенок», – и рыжеголово
лилии молча кивают, мол, будь.
Да, я согласен и честное слово
льется ответственно с песенных губ:

«В детском саду мы поем и танцуем,
в детском саду мы воруем ранет.
Солнечный круг на рисунках рисуем.
Мы не готовы к труду и войне.

Зеленоглазые наши подруги,
наши стрекозы – то же поют.
Да не опустятся крылья и руки!
Мы не пойдем на поклон к Муравью.

Есть у нас серная спичка из детства.
Мы научились моря припасать.
К нам прилетает, у свечки погреться,
ангелов белых небесный десант».

Лилии, дети, пичуги – я счастлив
к дому идти с несвятой простотой.
В левой – две пачки хорошего чая.
В правой – Кибирова правильный том.

С апрельским спелым апельсином
сиятельство воды стекла
день делают таким красивым,
что в золоте не видно зла.
В неделю город изумрудный
построит архитектор-май;
весной уверовать нетрудно,
что Бог есть Свет, Любовь;
зима.

Подборка стихотворений Руслана Сидорова.

Газета «Седьмой день» от 11 ноября 2010 года (№44).

«Под сенью осенней отчизны...»

Мы не раз печатали стихи нашего новокузнецкого поэта Руслана Сидорова. С большим удовольствием делаем это снова. Его поэзия многогранна, и каждый раз в его стихах находишь что-то новое.

Осень

Прозрачной поэзии призрак
Поющею плотью ветров
Под сенью осенней отчизны
Леса поджигает костром.

И с небом попутным уходят
Надежда и птицы, и ты
На юг, где тепло теплоходам
И в море моргают цветы
Букетов нездешних созвездий,
А значит, пора мне опять
Пораньше, с утра, на валежник
Опята идти собирать,
И жерлицы ставить на щуку,
И к вечеру баню топить.
А после пришедшие чувства
В привычной посуде топить.
Уснуть и под белою вьюгой
Впервые пришедшей зимы
Смотреть, как под звездами юга
С тобою купаемся мы.

На краю у ноябрьской осени,
А по местным меркам – зимы,
Под мерцающими семи,
А с Мицаром так будет восемь их,
Мы построили быстро рай,
Из палатки без дна и лапника,
На снегу голубом и, главное,
Свальных спальников. Номера
Отдыхают. (Пусть Киса бесится.)
Мурка Машка – отнюдь, хотя
Не по-детски пар изо рта...
Было холодно, жарко, весело.

Развивая Крылова

Отговорила роща. Зол, не тает
Сухой снежок, что золото прибил,
Но так светло, так яростно блистает,
Так радостно, что лыбится дебил
Пред смертью, непременно и обвальной.
Но ручки, ножки, огурец, овал,
Вся требуха да и душа в овале
Желает траливалить, танцевать,
Вновь вляпаться, свалиться и валяться
И свежей неваляшкой воскресать –
Не закозлить-застрекозлить – за лясы
Ответим после. А пока – плясать!

О! Нищета необходима.
В последних крохах бытия,
В последней капле никотина
Почувствовать огромность Я.
Увидеть каждый день – как Судный.
Блаженна нищета души,
Что, осознавши жизнь абсурдной,
Решилась – Жить.

Варианты Второго пришествия

1.
Подступает время эпилога.
Это ясно. Как тут ни крути...
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.
Бог пустыне говорит: «Расти!»

Слышал я звезду, что говорила:
«Скоро нам с тобою – Эпилог».
Гаснут люди, свечи и светила.
Меркнет свет. И наступает Бог.

2.
Кончились семечки.
Нечем согреться.
Некем. И «выкл» – свет.
– Вы не подскажите, сколько время?
– Кончилось. Времени – нет.
Нет и не будет.

Клиины руки опустились повдоль.
Музыка стихла.
Лишь Дух и Звуки.
Носятся над водой.

Один совет

*«Юноша бледный со взором горящим...»
В. Брюсов*

У Бога времени много,
Его хватает на всех.
Не суетись, чего ты,
сей чего-нибудь, сей.
Оставь остальным остальное,
не лезь на рожон и вверх,

глядь – Incipit Vita Nova
после дождя в четверг.
Значит, терял и сеял,
Не суетясь, не зря
В нечерноземь Расеи
Семечки букваря.
И коли Бог не выдал,
То и свинья не съест,
А не взойдёт, не выйдет –
Что ж, прецеденты есть,
Боле того – их много,
Руку подняв – опусти.
Жив? – ну и слава Богу,
Главное – не суетись.

За молодым березняком
Коровы пахнут молоком.

И радость розово качает
Девятым валом иван-чая.

Так хорошо, что ничего
Не нужно больше. Ну и вот:

Ответ судьбе асимметричный
На «нету счастья в жизни личной».

**Подборка стихотворений Руслана Сидорова.
Газета «Седьмой день» от 29 ноября 2007 года (№1).**

В городе Новокузнецке есть поэт. Настоящий. Может, есть и другие настоящие. Конечно же, есть. Не может не быть! Но он точно настоящий. Потому что есть у человека редкий дар – нести свет в мир. И сам этот дар – и награда, и расплата. А все остальное – не суть важно для Бога и людей.

В этом номере мы знакомимся со стихами Руслана Сидорова. По большому счету – с ним самим. Потому что жизнь творца – в его творениях. А когда родился-крестился – об этом потом. На чаепитии в «Гоголевке» Руслан рассказал о курьезном случае в Америке. Тамошний миллионер составил завещание, в котором завещал дуб на лужайке самому дубу. И теперь стоит дерево в оградке и растет само по себе. Никто не топчет корни, не пилит сучья. Вот нашелся бы кто-нибудь там, наверху, кто подарил бы человека самому себе...

Отдыхаю в деревне, варю картошку
Да вдыхаю озон с табаком вперемешку.

Забываю город, работу, более
Того, я забыл про горе.
Каждым утром по лесу бегаю кроссом.
Пахнет августом, армией и березой.
Без будильника точный подъем в пол шестого.
Идут на выпас коровы

И мычат, и чешут бока об заборы,
И хозяйки кладут хворостины с прибором.
А в тумане – знаешь, как голос гулок...
Подъем. Ровно в шесть – бегу я.
У меня под участком течет речушка,
И как только из лесу возвращусь я,
Два ведра на грудь, в самом лучшем смысле, –
Разом усталость смыли.

И такой мажор, будто это – счастье.
Заварю покрепче и выпью чая.
И такая вкусная первая «Прима» –
Даже не знаю прямо...
Денег нет, но нет и проблемы, что покушать:
В огороде растет любая петрушка.
Сигарет и чаю привез бессчетно,
Книги есть, а чего еще-то?

А потом мне расскажет свое Бертран Рассел.
Мы уже добрались с ним до Мора с Эразмом.
Сам себе удивляюсь: мне все понятно,
Чернеют белые пятна.

А когда стемнеет, курю на крылечке,
Наблюдаю звезды сквозь дыма колечки.
Подойдет овчарка, щеку полижет
И рухнет ко мне поближе.
Одиночество, знать, и собакам знакомо.
Мы вдвоем, прижавшись, молчим о ком-то.
Или ни о ком, просто так молчим мы.
Чистое небо лучисто.

На областной масштаб не потяну
Мне в городском любительском не тесно
Отсюда можно наблюдать страну
Но можно не синоним «интересно».

И что такое вообще страна?
Москва? Челябинск? Магадан? Воронеж?
Коль сумма географией дана,
То эта арифметика порочна.

В моей стране по-русски говорят,
Библиотеки в ней престолы-троны,
Вот тут я патриот и в первый ряд
Шагну и до последнего патрона.

В уместном месте я живу: (по мне
Чудесны ассонансы город – Гоголь;
На станции Островского, пред ней
Платформа Достоевский. Ну, ей-богу.

И в мистику уверовать не грех,
Настолько для меня все это лично)
Дурдом, что по над домом, на горе,
Уместно и гротескно символичен.

Не утону я в западном вине,
А вот другое по моим деньжатам.
Страна не пожалеет обо мне,
И хорошо, – ведь жалость унижает.

А я ей благодарен, бо она
Дала возможность пообщаться с Вами
Ведь даже в самой средней школе нас
Учили думать русскими словами.

Учили думать русским языком,
И я другой такой страны не знаю,
Я Вас читал; я Вам пишу, – а значит,
Вы очень близко, очень высоко.

В трамваях, из театров и гостей,
По вечерам до дому едут люди.
Они почти что все одни из тех,
Которые почти друг друга любят.

У них почти приличные дела:
В карьерном росте, в материальном плане.
Из школы дочь четвёрку принесла.
Почти отлично. Хорошо – и ладно.

Кому-то нынче ужин: при свечах
В подсвечнике, почти старинном;
И музыкальный центр невзначай
Найдёт им подходящее к интиму.

Кому-то завтра ехать в отпуска.
Ещё раз пересмотрят чемоданы.
Посапывают после посошка
Почти что господин с почти что дамой.

Ночь и тепло. Почти что хорошо.
Почти дурак, почти поэт, почти философ
Трамвай увидел – и вослед стишок.
Почти стишок. Без проклятых вопросов.

Трамваи театралов и гостей
Поразвезли за мелкую монету.
Ну вот и нам, Пегас, пора лететь –
Работать над собой и над Планетой.

Дождь косой, ослепши, падал с неба,
Шел в июнь черемуховым снегом,
И пацан босой по лужам шлепал,
Слушая, о чем шумели клены.

Клены говорили – он не верил.
Клены уверяли – он смеялся.
Потому что день был спел и светел.
Снег был бел и небо было ясно.

Было ясно: будет все красиво,
Как сирень, умытая июнем,
Как подсолнух солнца над Россией,
Как его безудержная юность.

Шел с душой пацан и не боялся.
Клены говорили – он смеялся.
Клены уверяли – он не верил –
Про петлю в каком-то «Англетере».